

СЛЕПАЯ ЗОНА

СТИВЕН УАЙТ

18+

Стивен Уайт

Слепая зона

«Автор»

2026

Уайт С.

Слепая зона / С. Уайт — «Автор», 2026

Том — профессиональный диспетчер теневых сделок. Его работа — выстраивать безопасные маршруты для передачи денег, данных и компромата между людьми, которые не должны встречаться. Главное правило — никакого личного контакта. Но когда к нему попадает жесткий диск с архивом, связанным с европейскими антикультовыми структурами, привычный порядок рушится. Внутри архива — финансовые документы, секретные переписки, списки агентов влияния и материалы, указывающие на существование международной сети, способной использовать прессу, суды, полицию и государственные институты как оружие против неугодных. Связавшаяся с Томом Сара утверждает, что знает, как расшифровать архив, и предупреждает о провокации, способной запустить волну ненависти по всей Европе. Но чем глубже Том погружается в расследование, тем очевиднее становится: перед ним система, которая создает врагов, фабрикует жертв и управляет страхом. Чтобы раскрыть правду, ему придется выйти из цифровой тени — туда, где начинается охота.

© Уайт С., 2026

© Автор, 2026

Стивен Уайт

Слепая зона

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Пролог

Рим дышал вечерним зноем, отдавая накопленное за день тепло через нагретые камни узких улиц Трастевере. Том сидел за угловым столиком небольшого кафе, скрытый от прямых взглядов массивной кадкой с олеандром. Перед ним лежал выключенный смартфон, а в ухе находился крошечный, почти невидимый наушник. Он пил эспрессо, методично отсчитывая секунды.

Его работа заключалась в том, чтобы люди, которые ненавидят друг друга, могли совершать сделки, не пересекаясь в физическом пространстве. Он был диспетчером. Гарантом. Призраком, который выстраивал безопасную сеть для передачи информации, денег или компромата. Главное правило Тома состояло из трех слов: никакого личного контакта. Физический мир полон случайностей, эмоций и неконтролируемых переменных. Цифровой мир, при должной настройке, подчиняется строгой логике.

— Объект вошел в здание, — раздался в наушнике искаженный синтезатором голос наемного наблюдателя.

— Подтверждаю, — едва слышно произнес Том, глядя на экран планшета, скрытого под свежей газетой. На экране двигалась зеленая точка. — Ждите перевода средств. Как только файл будет загружен на сервер, ваша часть сделки завершена.

Том сделал глоток остывшего кофе. Эта операция была рутинной: передача корпоративных данных между двумя конкурирующими фармацевтическими компаниями. Никакой стрельбы, никаких погонь. Только чистая архитектура протоколов безопасности. Зеленая точка на экране остановилась. Полоса загрузки поползла вправо. Девяносто процентов. Девяносто пять. Сто.

— Пакет у меня. Отключайтесь, — скомандовал Том.

Он нажал несколько клавиш, запуская алгоритм стирания следов. Сервер, арендованный на подставное лицо в Сингапуре, прекратил свое существование. Деньги ушли на анонимные счета. Сделка закрыта. Том привычным жестом вынул сим-карту из телефона, сломал ее пополам и бросил в пепельницу.

Он расплатился наличными и вышел на улицу, растворяясь в толпе туристов. Его путь лежал к камере хранения на вокзале Термини. Там его ждала оплата за предыдущий, гораздо более сложный заказ.

Вокзал встретил его гулом голосов и запахом дешевого фастфуда. Том двигался уверенно, не привлекая внимания. Обычный мужчина средних лет, в неприметной серой куртке и темных очках. Он подошел к ячейке 412, ввел код, полученный по зашифрованному каналу три дня назад. Дверца щелкнула. Внутри лежал плотный бумажный конверт.

Том забрал его и направился к выходу. Только оказавшись в безопасном месте — съемной квартире на окраине города, арендованной под чужим именем, — он вскрыл конверт. Внутри, помимо ожидаемых банковских реквизитов с доступом к офшорному счету, лежал небольшой черный жесткий диск.

Это было нарушением протокола. Клиенты никогда не передавали ему ничего лишнего.

Том подключил диск к изолированному ноутбуку, не имеющему выхода в интернет. Запустил песочницу — виртуальную среду, которая приняла бы на себя удар в случае наличия вредоносного кода. Но вирусов не было. Была только сложная система шифрования.

Потребовалось четыре часа работы специализированного софта, чтобы взломать первый уровень защиты. Когда структура папок наконец отобразилась на экране, Том почувствовал легкий холод. Это не было случайным бонусом. Кто-то намеренно передал ему этот массив данных.

Названия директорий говорили сами за себя: «FECRIS_Internal», «RACIRS_Agents_EU», «Dvorkin_Medical_70s», «FAVIS_Italy».

Том открыл один из текстовых файлов наугад. Это был скан внутреннего отчета итальянской организации, датированный прошлым годом. В нем подробно описывались методы дискредитации неудобных общественных групп через медийные кампании. В другом файле содержались финансовые проводки, связывающие европейские фонды с российскими структурами.

Он понял, что держит в руках бомбу. Информационный массив, способный разрушить карьеры сотен влиятельных людей по всей Европе. Тот, кто положил этот диск в ячейку, либо хотел спрятать его в самом надежном месте — у профессионального диспетчера.

В этот момент на его резервный, глубоко законспирированный канал связи в мессенджере пришло сообщение. Этот номер знали только три человека в мире.

«Архив у тебя. Не пытайся его продать. Они уже ищут. Мне нужна твоя помощь. Сара».

Том смотрел на светящийся экран. Сеть пришла в движение. Кто-то нарушил его слепую зону, и теперь ему предстояло выяснить, кто именно дергает за нити. Он не стал отвечать. Вместо этого он запустил процесс копирования данных на три независимых зашифрованных носителя. Игра началась, и Том предпочитал играть по своим правилам.

Глава 1. Первый контакт

Свет от трех мониторов выхватывал из полумрака съемной квартиры лишь часть стола, заваленного кабелями, переходниками и несколькими одноплатными компьютерами. Окна были плотно зашторены тяжелой тканью, не пропускающей ни единого фотона уличного света. Рим за стенами жил своей шумной, хаотичной жизнью, но здесь, в этой искусственно созданной изоляции, существовала только строгая математика цифровых сетей.

Том сидел неподвижно, глядя на единственное текстовое сообщение, висящее на экране защищенного мессенджера.

«Архив у тебя. Не пытайся его продать. Они уже ищут. Мне нужна твоя помощь. Сара».

Он не спешил отвечать. В его профессии импульсивность была синонимом смерти или, что еще хуже, потери свободы. Том был диспетчером. Архитектором безопасных коридоров для тех, кому нужно было передать информацию, деньги или людей, не оставляя следов в физическом мире. Он никогда не встречался с клиентами. Он не знал их настоящих имен, а они не знали его лица. Его репутация строилась на абсолютной, параноидальной стерильности контактов.

И сейчас кто-то нарушил эту стерильность. Кто-то знал, что он забрал жесткий диск из ячейки 412 на вокзале Термини.

Том придвинул к себе клавиатуру, подключенную к отдельному, аппаратно изолированному терминалу. Прежде чем вступать в диалог, ему нужно было понять, с кем он имеет дело. Мессенджер, который он использовал для экстренной связи, работал на базе децентрализованной сети, но любой пакет данных оставляет метаданные, если знать, как их извлекать.

Он запустил скрипт анализа сетевого трафика, перехватывая эхо-запросы, которые устройство отправителя генерировало для поддержания соединения. На правом мониторе побежали строки кода. Том начал распутывать цифровой клубок.

Первый узел находился во Франкфурте. Стандартно. Но дальше маршрут делал резкий скачок. Пакеты данных уходили за пределы европейской юрисдикции. Том наблюдал, как тра-

фик дробится и шифруется заново, проходя через цепочку прокси-серверов. Сара использовала протокол маршрутизации через узлы в Юго-Восточной Азии, чтобы скрыть свой реальный IP-адрес. Сингапур. Затем Манила. И, наконец, выходной узел в Джакарте, на серверах провайдера, известного тем, что он игнорирует любые запросы Интерпола.

Это не было похоже на действия напуганного дилетанта. Такая архитектура соединения требовала либо глубоких технических знаний, либо доступа к очень дорогой инфраструктуре. В 2019 году Том организовывал канал связи для корпоративного информатора из Цюриха, который пытался слить данные о махинациях швейцарского банка. Тот информатор использовал похожую схему с азиатскими узлами, но допустил фатальную ошибку — его устройство синхронизировало время с региональным NTP-пулом, выдав географическую привязку соединения. Том проверил тайминги пакетов Сары. Никаких утечек. Идеальная цифровая дисциплина.

Он принял решение. Игра началась, и игнорировать ее было опаснее, чем принять вызов.

Том открыл консоль и сгенерировал одноразовую ссылку на защищенный голосовой чат, работающий по протоколу WebRTC с одноразовым обменом ключами и дополнительным слоем симметричного шифрования. Этот канал существовал только в оперативной памяти его сервера и должен был самоуничтожиться при разрыве соединения.

Он напечатал ответ: «Ссылка активна две минуты. Только голос. Никаких имен, кроме того, что ты уже назвала».

Отправка.

Секунды потекли с мучительной медлительностью. Том надел студийные наушники закрытого типа. На среднем мониторе он развернул спектроанализатор аудиосигнала. Он никогда не доверял только словам. Человеческий голос — это физический процесс, управляемый мышцами и нервной системой. Его невозможно полностью контролировать.

На сорок второй секунде индикатор соединения загорелся зеленым. Ссылка была активирована.

В наушниках раздался легкий цифровой шум, вызванный задержкой сигнала при прохождении через азиатские серверы. Пинг составлял около четырехсот миллисекунд.

— Том? — голос был женским, с легким, едва уловимым акцентом, который алгоритмы сжатия звука делали почти неразличимым.

— Время пошло, — ровным, лишенным эмоций тоном ответил он. — Убеди меня не нажимать кнопку сброса.

На другом конце повисла пауза. Том смотрел на спектрограмму. Линия аудиосигнала дрожала. Том зафиксировал микровибрации в её голосе, указывающие на высокий уровень стресса или качественную актерскую игру. Частота этих треморов находилась в диапазоне от 8 до 12 герц — классический физиологический маркер выброса адреналина. Голосовые связки произвольно сокращались. Она действительно боялась. Или же была профессионалом экстра-класса, способным вызывать у себя нужные физиологические реакции методом глубокого погружения в роль. Том отметил этот факт, но не позволил ему повлиять на свою оценку.

— Я знаю, как ты работаешь, — быстро заговорила Сара, стараясь уложиться в отведенное время. — Ты диспетчер. Ты выстраиваешь логистику для тех, кому нужно исчезнуть или передать то, за что убивают. Мне нужно исчезнуть. Из Италии. Прямо сейчас.

— Ты ошиблась номером. Я не занимаюсь эвакуацией туристов, потерявших паспорта. Обратись в консульство.

— Консульство мне не поможет! — ее голос дрогнул, амплитуда на спектрограмме подскочила. — Они контролируют списки пассажиров. Они отслеживают камеры на вокзалах. Если я попытаюсь купить билет, меня возьмут через двадцать минут.

— Кто «они»? Полиция? Карабинеры? AISE?

— Нет. Хуже. Потому что они действуют в тени закона, но используют его ресурсы. — Сара сделала судорожный вдох. Задержка звука создавала странный эффект эха. — FA.VI.S. Итальянская организация, связанная с антикультовой сетью. С неё всё началось.

Том нахмурился. Его левая рука мгновенно легла на клавиатуру второго ноутбука, подключенного к сети через отдельный VPN-туннель. Он вбил аббревиатуру в поисковик.

FA.VI.S. Associazione Familiari delle Vittime delle Sette. Ассоциация родственников жертв сект. На экране появились ссылки на официальный сайт, статьи в итальянской прессе, фотографии немолодых людей на пресс-конференциях, рассказывающих о спасении молодежи от деструктивных культов. Благотворительная, общественная организация. Абсолютно легальная. На экране появились ссылки на официальный сайт, статьи в итальянской прессе, фотографии немолодых людей на пресс-конференциях, рассказывающих о спасении молодежи от деструктивных культов. Благотворительная, общественная организация. Абсолютно легальная.

— Ты тратишь мое время, — холодно произнес Том. — Ты прячешься за каскадом азиатских прокси-серверов от группы обеспокоенных родственников и общественных активистов?

— Это фасад! — почти выкрикнула Сара. — Вывеска для прессы и грантов. Ты смотришь на их публичный сайт, Том. А я работала с их внутренними структурами. Они собирают досье. Они ломают жизни. У них есть связи в квестурах по всей стране, они используют частных детективов из бывших спецслужбистов для незаконной слежки. Если ты попадаешь в их список «деструктивных элементов», ты лишаешься работы, банковских счетов, а потом к тебе приходят с обыском по сфабрикованному обвинению. Я видела, как они это делают. А теперь они делают это со мной.

Том продолжал просматривать результаты поиска. Внешне все выглядело безупречно. Но в своей практике он слишком часто сталкивался с тем, что самые безобидные вывески скрывали самые жесткие структуры. Общественные организации часто использовались как прокси-силы для тех операций, которые государственные органы не могли проводить официально из-за юридических ограничений.

— Допустим, я тебе верю, — сказал Том, следя за таймером. Оставалась одна минута. — Но это твои проблемы. Мой профиль — нейтралитет. Я не вмешиваюсь в чужие войны. Я обеспечиваю транзакции. У нас нет транзакции.

— Есть, — голос Сары внезапно стал тише, микровибрации исчезли, сменившись ледяной концентрацией. — Диск. Тот, что ты забрал из ячейки.

Пальцы Тома замерли над клавиатурой. В комнате повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим гудением кулеров охлаждения. Он не подтвердил и не опроверг ее слова. В таких разговорах любая реакция — это информация, отданная противнику.

— Я знаю, что он у тебя, — продолжила Сара, почувствовав его молчание. — И я знаю, что ты уже пытался его открыть. Ты увидел структуру папок. Ты увидел названия. Но это просто мертвый груз, Том.

— Данные никогда не бывают мертвым грузом, если найти правильного покупателя, — медленно произнес он.

— Эти — бывают. У меня нет самого архива, но у меня есть ключи к нему. — Там терабайты отчетов, финансовых проводок, сканов переписок. Без контекста это просто белый шум. Ты не знаешь, кто скрывается за псевдонимами. Ты не знаешь, какие из этих документов — реальные доказательства, а какие — специально созданная дезинформация для отвода глаз. У меня нет самих файлов. Но у меня есть ключи. Я знаю архитектуру этой сети. Я знаю, как они связаны с европейскими структурами.

Том смотрел на черный прямоугольник жесткого диска, лежащий на краю стола рядом с изолированным ноутбуком. Он вспомнил названия директорий, которые успел просмотреть. Они действительно выглядели как фрагменты огромного пазла, собрать который без инструкции было почти невозможно.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Сделку. Ты вытаскиваешь меня из Милана. Организуешь безопасный маршрут, чистые документы и транспорт, который не отслеживается по камерам Area B, Area C и другим городским зонам контроля въезда. Как только я окажусь в безопасном месте, я дам тебе ключи к первому слою архива. Ты сможешь монетизировать эту информацию или использовать ее как страховку. Без меня этот диск — просто кусок пластика и металла, из-за которого тебя рано или поздно найдут.

Таймер отсчитывал последние десять секунд.

Том анализировал ситуацию с холодной отстраненностью шахматиста. Если она лжет, и это ловушка, то попытка ее вытащить приведет его прямо в руки тех, кто за ней охотится. Если она говорит правду, то в его руках находится материал, способный вызвать серьезный скандал в европейских правозащитных и политических кругах, а она — единственный человек, способный этот материал активировать.

Но главное правило диспетчера гласило: никогда не принимай решения под давлением времени, навязанным другой стороной.

— Твое время вышло, Сара, — сказал Том.

— Том, послушай...

— Если ты действительно та, за кого себя выдаешь, ты сможешь продержаться в Милане еще сорок восемь часов. Заляг на дно. Избавься от всей электроники, кроме устройства, с которого ты сейчас говоришь. Не выходи на улицу. Я проверю твою историю. Если найду нестыковки — канал будет уничтожен навсегда. Если пойму, что ты полезна — я пришлю инструкции.

— Они прочесывают город, Том! У меня нет сорока восьми...

Он нажал клавишу Enter. Скрипт разорвал соединение. Протокол WebRTC был немедленно стерт из оперативной памяти, а временные ключи шифрования уничтожены. В наушниках воцарилась тишина.

Том снял наушники и откинулся в кресле. Он потер уставшие глаза. Ситуация выходила из-под контроля. Обычный заказ на хранение данных превратился во что-то совершенно иное.

Он снова посмотрел на жесткий диск. FA.VI.S. Антикультовые организации. Маршрутизация через Азию. Микровибрации в голосе, выдающие животный страх.

Том придвинул к себе изолированный ноутбук, к которому был подключен диск. Он ввел сложный пароль, разблокировав криптоконтейнер. На экране снова появился список директорий. Он должен был понять, во что именно его втягивают, прежде чем делать следующий шаг. Ему нужно было погрузиться в этот архив и найти там следы Сары, или доказательства ее лжи.

Свет от монитора отражался в его темных глазах, пока курсор мыши медленно наводился на первую папку в списке. Изучение чужих тайн всегда начиналось с первого клика.

Глава 2. Итальянский след

Мерцание трех мониторов отбрасывало холодный синеватый свет на лицо Тома. В комнате стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь монотонным, едва уловимым гудением системы охлаждения серверов. Жесткий диск, извлеченный из ячейки на вокзале Термини, теперь был подключен к изолированному терминалу, не имеющему физического доступа к внешним сетям. Том работал в среде, которую специалисты по кибербезопасности называли air gap — «воздушным зазором». Ни один байт информации не мог покинуть эту комнату без его прямого физического вмешательства.

Слова Сары требовали верификации. В его профессии доверие было непозволительной роскошью, а интуиция всегда должна была подкрепляться массивами данных. Она утверждала, что за фасадом благотворительных организаций скрывается структура, способная уничтожить жизнь любого человека, попавшего в их списки. Том привык иметь дело с картелями, коррумпированными чиновниками и корпоративными шпионами. Их мотивы всегда были прозрачны:

деньги, власть, устранение конкурентов. То, что описывала Сара, звучало как паранойя, но структура папок на диске говорила об обратном. Кто-то потратил годы на систематизацию этого архива.

Том запустил скрипт индексации текстовых массивов. Программа начала сканировать директорию, посвященную итальянскому сегменту сети. На правом мониторе побежали строки логов, пока алгоритм выстраивал семантические связи между тысячами разрозненных файлов: PDF-документами, сканами официальных писем, дампами электронной почты и скрытыми аудиозаписями.

Первое, за что зацепился взгляд Тома, был полный офлайн-архив веб-сайта под названием *Libero Credo*. Судя по метаданным, оригинальный ресурс мог уже исчезнуть из открытой сети или быть частично недоступен, но создатель жесткого диска заботливо сохранил каждую его страницу. Том открыл корневой файл. Сайт представлял собой независимый исследовательский проект, посвященный документированию нарушений гражданских прав в Италии.

Том начал вчитываться в аналитические материалы. Тексты были написаны сухим, юридическим языком, без излишней эмоциональности, что сразу повысило уровень доверия Тома к источнику. В статьях *Libero Credo* методично фиксировались нарушения Конституции Итальянской Республики — в частности, статей 3, 8, 19, 20 и 21, гарантирующих свободу религии, мысли и выражения мнений. Авторы ресурса утверждали, что группа так называемых «антикультовых» организаций развернула в стране масштабную кампанию по подавлению любых альтернативных форм духовности, используя для этого методы, граничащие с информационным терроризмом.

Том открыл встроенный в его систему инструмент для создания графов связей — цифровую доску, на которой он привык распутывать сложные криминальные схемы. В центре он поместил узел с названием «Антикультовый форум» (Forum Anti-sette). Затем начал добавлять ответвления, извлекая названия из документов *Libero Credo*.

Первый узел: *ARIS Toscana*. Второй узел: *CeSAP* (Центр изучения психологических злоупотреблений). Третий узел: кампания «*Giù le Mani Dai Bambini*» («Руки прочь от детей»).

Названия звучали максимально безобидно, даже благородно. Защита детей, изучение злоупотреблений, помощь семьям. Идеальный фасад. Том знал, что лучшие прикрытия всегда апеллируют к базовым человеческим инстинктам — страху за потомство и стремлению к безопасности. Кампания «*Giù le Mani Dai Bambini*», связанная с Альдо Вердеккией, фигурировала в документах как один из ключевых инструментов формирования общественного мнения. Под лозунгами защиты несовершеннолетних создавался необходимый уровень социальной истерии, который затем канализировался в нужное русло.

Но Тома интересовали не лозунги. Его интересовала механика. Сара говорила о том, что они ломают жизни, лишают работы и иницируют сфабрикованные расследования. Ему нужны были доказательства этого процесса.

Он ввел в строку поиска по архиву параметры: «методы давления», «судебные иски», «профессиональные ассоциации». Система на несколько секунд задумалась, обрабатывая терабайты данных, а затем выдала список из нескольких сотен писем и отсканированных факсов. Том отфильтровал результаты, выбрав наиболее задокументированный кейс.

На экране появилась папка с именем «Доктор Раффаэлла Ди Марцио».

Том откинулся в кресле, методично прокручивая хронологию событий. Ди Марцио была психологом, которая изначально состояла в одной из католических антикультовых групп, но затем покинула ее, решив, что вместо демонизации новых религиозных движений необходимо вести с ними диалог и проводить объективные исследования. Она пришла к выводу, что далеко не все группы, на которые навешивается ярлык «сект», являются таковыми.

Для системы, выстроенной на тотальной нетерпимости, такой подход был равносителен предательству. И система нанесла ответный удар.

Том открыл скан факса, отправленного в прокуратуру города Бари. Документ был адресован прокурору Франческо Бретоне. Отправителем значилась Габриэлла Монако, представительница некоего «Комитета жертв», тесно связанного с ассоциацией *CeSAP*. В это время прокуратура вела расследование в отношении группы под названием «Аркеон», против которой *CeSAP* развернула агрессивную медийную кампанию.

Текст факса представлял собой классический образец информационного доноса, составленного с холодной расчетливостью. Ди Марцио обвиняли в том, что она якобы «систематически обескураживает жертв», заставляя их отказываться от показаний. В документе утверждалось, что психолог использует свой авторитет для «вмешательства в показания свидетелей» и «воспрепятствования правосудию».

Том усмехнулся уголком губ. Он видел подобные схемы в корпоративных войнах. Если ты не можешь опровергнуть аргументы оппонента, ты должен уничтожить его репутацию и связать его юридическими проблемами, чтобы у него не осталось ресурсов на сопротивление.

Но на этом травля не закончилась. Том открыл следующую серию документов — внутреннюю переписку членов Антикультового форума. Это был тот самый уровень доступа, о котором говорила Сара. Закулисье, где благообразные защитники общества снимали маски.

В марте 2011 года суд Бари полностью оправдал доктора Ди Марцио, признав обвинения, инициированные *CeSAP*, безосновательными. Казалось бы, инцидент исчерпан. Но Том читал электронное письмо, отправленное Лоритой Тинелли, руководителем *CeSAP*, своим соратникам по форуму спустя всего несколько дней после оправдательного приговора.

Письмо было датировано 13 апреля 2011 года. Тинелли писала: «По секрету могу сообщить, что Орден психологов Лацио (*Ordine degli Psicologi del Lazio*), в котором состоит Ди Марцио, вызвал меня в следующем месяце для предоставления информации о том, что произошло в отношении Раффаэлла Ди Марцио... И снова мне приходится брать на себя сложную роль человека, осведомленного о фактах».

Том выделил эту фразу маркером на экране. «Сложная роль». Ирония заключалась в том, что именно Тинелли годом ранее, 5 мая 2010 года, сама подала жалобу на Ди Марцио в этот самый Орден психологов. Согласно документам архива, Орден не сразу уведомил Ди Марцио о введущемся против нее разбирательстве, но пригласил Тинелли дополнить свою жалобу информацией о расследовании прокуратуры Бари — расследовании, которое уже завершилось полным оправданием.

Механизм работал безупречно. Оправдательный приговор в суде не имел значения, если можно было уничтожить человека профессионально, лишив его лицензии и статуса через бюрократические структуры.

Том открыл следующее письмо из цепочки. Оно было отправлено Маурицио Алесандрини, президентом ассоциации *FAVIS*. Дата: 20 ноября 2011 года.

«Р. Ди Марцио: это безумие! Через несколько часов жалоба в Орден психологов Лацио будет отправлена экспресс-почтой с доставкой за 1 день, так что она очень быстро окажется на столе президента, доктора Пальмы. Посмотрим, останется ли у него столько времени, чтобы посвящать его своей текущей деятельности. С наилучшими пожеланиями, Маурицио».

На следующий день, 21 ноября, Алесандрини отправил подтверждение: *«Моя ЖАЛОБА на психолога Ди Марцио готова. Она будет отправлена завтра утром заказным письмом экспресс-почтой с доставкой за один день, так что она очень быстро окажется на столе Ордена психологов Лацио».*

Том откинулся на спинку кресла и потер переносицу. Сара говорила не на пустом месте. Ни единым словом. Перед ним разворачивалась конструкция скоординированной, безжалостной охоты на человека. Они использовали профессиональные ассоциации как оружие, зава-

ливая их жалобами, создавая иллюзию массового недовольства и заставляя бюрократическую машину перемалывать неугодных.

Но самое тревожное скрывалось в другом. Как эти небольшие, по сути, маргинальные группы активистов получали такую власть? Почему прокуроры принимали подобные обращения и факсы? Почему профессиональные ассоциации прислушивались к ним, игнорируя решения судов?

Ответ нашелся в директории с пометкой «S.A.S. — Институциональные связи».

S.A.S. расшифровывалось как Squadra Anti Sette — специальная структура Polizia di Stato при Servizio Centrale Operativo, Direzione Centrale Anticrimine, созданная в ноябре 2006 года при Министерстве внутренних дел Италии. Том знал, что полиция часто использует осведомителей, но здесь ситуация была перевернута с ног на голову. Документы показывали, что представители Антикультового форума, включая Алессандрини из FA.VI.S и Тинелли из CeSAP, были представлены в материалах архива как референты или привилегированные контакты этого полицейского подразделения.

Том открыл письмо с пометкой «СРОЧНО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО», отправленное Маурицио Алессандрини 28 октября 2011 года руководителям ARIS Toscana, CeSAP и *Giù le Mani Dai Bambini*.

Текст гласил: *«КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ. Я только что закончил 25-минутный телефонный разговор с директором SAS, доктором Марией Карлой Боккино. Результатом разговора стало следующее: [...] Чтобы инициировать расследование в отношении анонимных, скрытых веб-сайтов, включая и особенно итальянские, нам советуют подать ЖАЛОБУ, которая охватывает всю ситуацию. На практике это означает преобразование уже отправленного ИНФОРМАЦИОННОГО ОТЧЕТА в жалобу в полицию... Жалоба должна быть подана Форумом в полицию Римини — Мобильный отряд, доктору Франко Вендрамино Бортоту, представителю SAS. После подачи жалобы ее также следует отправить по электронной почте руководителю SAS».*

Пальцы Тома замерли над клавиатурой. Он перечитал абзац дважды.

Это меняло все. Это не было просто группой фанатиков, пишущих доносы. Это выглядело как возможное сращивание государственного силового аппарата с частными идеологическими структурами. Из переписки следовало, что высокопоставленный офицер полиции, руководитель S.A.S., якобы лично инструктировала активистов, как именно нужно составить и куда подать заявление, чтобы запустить полицейское расследование против их оппонентов. В интерпретации Тома полиция уже не просто расследовала преступления — она могла помогать формировать поводы для расследований, используя активистов как прокси-силу для легализации репрессий.

Система работала по замкнутому циклу. Активисты из ARIS Toscana или CeSAP генерировали тревожные отчеты о «сектах». S.A.S. могла принимать эти отчеты как официальную аналитику. На основании этой аналитики полиция могла советовать активистам писать заявления. Заявления становились поводом для реальных уголовных дел, обысков и изъятий серверов. Пресса, получая информацию от людей, представленных как эксперты по теме, раздувала скандал. Жизнь жертвы разрушалась.

Том вывел на центральный монитор схему, которую он только что построил. Узлы пульсировали холодным светом. FA.VI.S. CeSAP. ARIS Toscana. *Giù le Mani Dai Bambini*. И над всем этим — зонтичный купол S.A.S., обеспечивающий институциональный вес.

Он вспомнил голос Сары во время их короткого сеанса связи. Ее слова о том, что они контролируют списки пассажиров и камеры на вокзалах, больше не казались преувеличением напуганной женщины. Если Антикультовый форум имел прямой, неформальный доступ к руководству полицейских спецподразделений, то они действительно могли пытаться использовать ресурсы государства в своих личных целях. Они могли объявить ее в розыск не как пре-

ступницу, а как «жертву деструктивного культа, нуждающуюся в спасении», или, наоборот, как «опасного манипулятора». В обоих случаях государственная машина могла сработать достаточно быстро, чтобы у неё не осталось времени на маневр.

Том закрыл файлы переписки и запустил алгоритм очистки оперативной памяти. Экран погас, оставив лишь командную строку.

Архив оказался не просто набором компромата. Это была подробная, задокументированная схема теневой сети, действующей в самом центре Европы. Сети, которая научилась использовать демократические институты — суды, полицию, прессу и профессиональные ассоциации — для уничтожения инакомыслия.

Том посмотрел на черный прямоугольник жесткого диска. Первый слой был вскрыт. И то, что он там увидел, означало, что правила игры изменились. Нейтралитет диспетчера гарантировал безопасность только до тех пор, пока обе стороны сделки находились в рамках понятной криминальной или корпоративной логики. Но структура, с которой столкнулась Сара, не подчинялась этим правилам. Она умела пользоваться чужими законами так, словно они были написаны специально для неё.

В тишине комнаты раздался короткий, сухой щелчок. На изолированном терминале, отвечающем за мониторинг зашифрованных каналов связи, замигал зеленый индикатор. Кто-то пытался инициировать протокол рукопожатия по резервному маршруту. Таймер на экране начал отсчет секунд до установки соединения.

Глава 3. Механика давления

Скоростной поезд «Фреччаросса» разрезал ночную мглу, уносясь от Рима на север со скоростью до трехсот километров в час. За тонированным стеклом мелькали редкие огни небольших городов Тосканы и Эмилии-Романьи, сливаясь в непрерывные светящиеся линии. Том сидел в кресле у окна, внешне расслабленный, но внутренне собранный, как сжатая пружина. На его коленях лежал неприметный черный рюкзак, внутри которого в экранированных чехлах Фарадея покоились жесткие диски с архивом и оборудование для связи.

Смена локации была базовым правилом выживания. Статичная цель — мертвая цель. Как только в уравнении появлялась неизвестная переменная, способная привлечь внимание структур с государственным ресурсом, диспетчер обязан был разорвать физическую связь с предыдущим местом пребывания. Рим стал слишком горячим. Милан, с его плотным индустриальным ритмом, бесконечными потоками бизнесменов и близостью к швейцарской границе, предоставлял идеальную среду для растворения.

Билет был куплен за наличные через подставного курьера. На вокзале Термини Том прошел через слепые зоны камер видеонаблюдения, маршрут которых он изучил еще два года назад. Его телефон остался в мусорном баке на Виа Национале, предварительно отформатированный и физически уничтоженный. Сейчас он существовал в физическом мире как призрак, не оставляющий цифровых следов.

Прибыв на вокзал Милано Чентрале ранним утром, Том не стал брать такси. Он спустился в метро, сделал три пересадки, проверяя возможный хвост, и только после этого направился в район Порта Венеция. Там, в старом доходном доме с толстыми стенами и запутанной системой внутренних дворов, его ждала резервная квартира. Она была арендована на имя фиктивной консалтинговой фирмы из Лихтенштейна и оплачена на год вперед.

Внутри пахло пылью и старым деревом. Том не стал открывать тяжелые деревянные ставни. Он методично обошел все комнаты, проверил датчики на окнах, убедился в отсутствии скрытых устройств записи. Только после полного сканирования периметра он позволил себе достать оборудование.

Через сорок минут на массивном дубовом столе была развернута новая архитектура связи. Изолированный терминал для работы с архивом. Отдельный ноутбук с операционной системой, загружаемой с флеш-накопителя и оставляющей оперативную память очищенной

после каждого выключения. Направленная Wi-Fi антенна, перехватывающая сигнал из кафе на противоположной стороне улицы через цепочку VPN-туннелей.

Время следующего сеанса связи приближалось. Том установил таймер и надел наушники. Он ждал.

Индикатор защищенного мессенджера мигнул зеленым ровно в назначенную минуту. Протокол рукопожатия занял несколько секунд, пробиваясь через азиатские узлы маршрутизации.

— Я в сети, — произнес Том ровным, лишенным интонаций голосом.

— Ты заставил меня ждать, — голос Сары звучал глухо, словно она находилась в небольшом, замкнутом пространстве. Возможно, в автомобиле или кладовке.

— Мой график не является предметом обсуждения. Ты просила сорок восемь часов. Они еще не истекли.

— Ситуация изменилась, Том. Они сменили тактику. Полиция больше не их главный инструмент в моем случае. Они поняли, что официальный ордер оставит бумажный след, который можно будет оспорить. Они пошли через семью.

Том открыл пустой текстовый документ на экране и приготовился фиксировать ключевые маркеры разговора. Использование родственников в качестве рычага давления было классическим приемом при выбивании долгов или шантаже корпоративных информаторов. Но Сара описывала нечто иное.

— Мои родители, — продолжила она, и в ее голосе появилась легкая дрожь. — Они всегда были консервативны. Когда я начала работать с независимыми исследователями, они не понимали этого. А теперь... теперь с ними связались люди из форума. Они убедили мою мать, что я нахожусь под контролем деструктивного культа. Что моя воля подавлена, и я не способна принимать самостоятельные решения.

— И что это меняет для тебя физически? — сухо спросил Том. — Родительское неодобрение не является угрозой жизни.

— Ты не понимаешь механики этого процесса! — Сара повысила голос, но тут же осеклась, видимо, вспомнив о необходимости соблюдать тишину. — Это не просто неодобрение. Они готовят юридическую и физическую базу для моего принудительного удержания. Они используют концепцию депрограммирования.

Том нахмурился. Термин был ему знаком по старым криминальным сводкам, но он считал эту практику пережитком прошлого.

— Депрограммирование, — медленно произнесла Сара, словно читая лекцию. — Практика, зародившаяся в конце двадцатого века. Суть проста: если человек состоит в группе, которую кто-то заклеил как «секту», его родственникам внушают, что он болен. Что его личность стерта. А значит, любые действия по его спасению оправданы. Семья нанимает так называемых специалистов. Эти люди физически похищают жертву, запирают ее в изолированном помещении и подвергают непрерывному психологическому давлению до тех пор, пока она не откажется от своих убеждений и связей.

— Похищение человека — это уголовное преступление в любой юрисдикции, — возразил Том, проверяя стабильность соединения. Пинг оставался в пределах нормы.

— В теории — да. На практике — это серая зона, в которой закон слепнет. — Сара сделала глубокий вдох. — Полиция часто отказывается вмешиваться, классифицируя это как «внутрисемейный конфликт». Они смотрят на это так: обеспокоенные родители пытаются помочь своему запутавшемуся ребенку. Никто не хочет связываться с истеричными матерями и адвокатами антикультовых групп, которые тут же поднимут шум в прессе о том, что полиция защищает сектантов.

Том молчал, позволяя ей выговориться. В его работе умение слушать паузы было не менее важным, чем умение анализировать слова.

— Это не абстрактная угроза, Том. У них есть отработанные сценарии. Исторические прецеденты, на которые они опираются, создавая свои методички. Ты можешь проверить это сам. Посмотри дело L.C.M. Айдахо, тысяча девятьсот девяносто первый год. Это классика, которую они до сих пор изучают.

Пальцы Тома бесшумно заскользили по клавиатуре изолированного ноутбука. Он ввел параметры поиска в локальную базу данных, предварительно скачанную из открытых источников для проверки фактов.

— Рассказывай, — приказал он, пока алгоритм искал совпадения.

— L.C.M. была взрослой женщиной. Тридцать девять лет. Не подросток, не наивная студентка. Взрослый, дееспособный человек. Она состояла в религиозной группе, которая не нравилась ее семье. Ее мать и сестра наняли команду депрограмматоров. Они выманили её к двери собственного дома, напали, силой вывели наружу и увезли в изолированное место.

На экране Тома появились результаты поиска. Судебные архивы США. Дело действительно существовало. Он открыл краткую выжимку материалов суда.

— Семь дней, — голос Сары стал холодным, почти механическим. — Семь дней ее держали взаперти. Механика давления всегда одинакова. Сначала — физическая изоляция и дезориентация. У жертвы забирают часы, лишают связи с внешним миром. Затем начинается сенсорная перегрузка. Депрограмматоры работают сменами, не давая человеку спать. Они постоянно кричат, оскорбляют ее убеждения, заставляют слушать аудиозаписи, порочащие ее друзей и коллег.

Том читал судебный отчет, параллельно слушая Сару. Текст на экране пугающе точно совпадал с ее словами. В документах описывалось, как похитители блокировали двери, угрожали физической расправой при попытке побега и непрерывно допрашивали женщину по четырнадцать часов в сутки.

— Цель этого процесса, — продолжала Сара, — не переубедить. Цель — сломать психику. Довести человека до состояния выученной беспомощности, когда когнитивный диссонанс становится невыносимым. Они разрушают базовые эго-состояния, заставляя жертву регрессировать до детского уровня подчинения авторитету. В деле L.C.M. женщина в итоге смогла сбежать, воспользовавшись моментом, когда контроль ослаб, когда охранники потеряли бдительность. Она подала в суд. Но знаешь, что самое страшное?

По материалам, которые я вижу, часть обвиняемых смогла избежать ответственности, а версия «спасения» была использована как оправдание, — прочитал Том строчку из документа.

— Именно. — В голосе Сары прозвучала горькая усмешка. — Присяжные решили, что действия семьи были продиктованы «необходимостью» спасения. Закон о похищении отодвинут на второй план ради идеологического комфорта общества. Этот прецедент дал зеленый свет сотням подобных операций. И сейчас, в Италии, они делают то же самое. Они убедили мою мать. Я знаю, что они уже наняли людей. Если я выйду на улицу, меня не арестуют. Меня просто засунут в машину, и я исчезну в каком-нибудь загородном доме в Ломбардии. И ни один полицейский не примет заявление о пропаже, потому что моя мать скажет им, что я нахожусь в реабилитационном центре.

Том откинулся на спинку стула. В комнате было тихо, только за окном изредка проезжали автомобили, шурша шинами по влажному миланскому асфальту.

Он анализировал услышанное. Сама по себе история была логичной и пугающей. Она идеально вписывалась в ту картину теневого контроля, которую он начал собирать из файлов архива. Использование семьи как инструмента обхода правовой системы — изящный и жестокий ход.

Но диспетчер внутри Тома, привыкший различать ложь и манипуляции, зацепился за другое. За форму подачи.

Он прокрутил в голове последние несколько минут разговора. Сара описывала свою собственную, неминуемую угрозу. Угрозу похищения и психологического насилия. Любой нормальный человек в такой ситуации был бы парализован животным страхом. Речь жертвы обычно фрагментарна. Она фокусируется на эмоциях, на несправедливости, на физических деталях — как страшно садиться в машину, как она боится темноты, как плакала ее мать.

Сара же выдала ему структурированный, академический анализ.

Том посмотрел на свои заметки. «Когнитивный диссонанс». «Выученная беспомощность». «Разрушение базовых эго-состояний». «Сенсорная перегрузка». «Регрессия до детского уровня».

Это был не язык напуганной жертвы. Это был язык оперативного сотрудника, читающего лекцию по психологии допроса. Или специалиста по поведенческому анализу, который досконально изучил методику противника. Она слишком хорошо понимала механику процесса, чтобы быть просто случайной мишенью. Ее терминология была точной, лишенной той хаотичной эмоциональности, которую она пыталась продемонстрировать в начале разговора.

Она играла роль. Возможно, угроза была реальной. Возможно, за ней действительно охотились. Но сама Сара была далеко не той беззащитной исследовательницей, которой хотела казаться.

— Ты слишком хорошо разбираешься в терминологии для человека, который просто работал с документами, — произнес Том. Его голос прозвучал в наушниках холодно и отстраненно.

На другом конце повисла тяжелая пауза. Задержка сигнала в четыреста миллисекунд казалась сейчас вечностью. Том физически ощущал, как шестеренки в голове его собеседницы начали вращаться с удвоенной скоростью, оценивая допущенную ошибку.

— Когда твоя жизнь зависит от понимания методов врага, ты учишься быстро, — наконец ответила она. Тон стал жестче, защитная оболочка жертвы дала трещину. — Я прочитала все их внутренние мануалы. Я знаю, как они ломают людей, потому что я видела отчеты о тех, кого они уже сломали.

— Знание теории не делает речь клинической в момент паники, — парировал Том. — Ты описываешь свое собственное похищение так, словно защищаешь диссертацию по психиатрии.

— Ты ищешь повод отказаться от сделки? — Сара перешла в наступление. — Тебе нужны эмоции? Хочешь, чтобы я плакала в микрофон и умоляла тебя о помощи? Я могу это сделать, если это потешит твое эго. Но это не изменит факта: у тебя есть архив, который ты не можешь расшифровать до конца, а у меня есть ключи. И люди, которые практикуют то, что сделали с L.C.M., сейчас прочесывают улицы, чтобы найти меня.

Том смотрел на мерцающий курсор на черном фоне терминала. Он не любил, когда им пытались манипулировать. Но еще больше он не любил нерешенные задачи. Сара была сложной головоломкой. Она намеренно или случайно приоткрыла часть своего истинного лица, показав холодный, аналитический ум, скрывающийся за маской отчаяния.

— Мне не нужны твои слезы, — спокойно ответил Том. — Мне нужна предсказуемость. Когда клиент врет мне о своей природе, он становится непредсказуемым. А непредсказуемость в моей работе ведет к провалу.

— Я не вру о том, что они собираются со мной сделать.

— Возможно. Но ты не договариваешь, кто ты такая на самом деле, чтобы вызывать у них такой интерес. Обычных волонтеров не ищут с таким упорством.

— Если я расскажу тебе все сейчас, по этому каналу, ты решишь, что риски слишком высоки, и просто сотрешь меня из своей системы. — В ее голосе впервые прозвучала искренняя, не наигранная усталость. — Дай мне безопасный коридор. Вытащи меня. И ты получишь всю картину.

Том перевел взгляд на жесткий диск, лежащий рядом с ноутбуком. Внутри этого черного прямоугольника скрывалась система, способная использовать государственные органы и семьи для уничтожения людей. И где-то в Милане, возможно, всего в нескольких километрах от него, находилась женщина, которая понимала эту систему лучше, чем кто-либо другой. Женщина, которая говорила языком спецслужб, притворяясь жертвой.

Он положил палец на клавишу разрыва соединения.

— Жди инструкций, — сказал Том.

Он нажал на кнопку. Экран мессенджера погас, канал связи был уничтожен, растворившись в цифровом небытии. Том снял наушники и потер виски. Тишина миланской квартиры обрушилась на него, но в этой тишине он ясно слышал, как правила игры, которые он устанавливал годами, начинают трещать по швам.

Глава 4. Медицинская карта

Тяжелые капли дождя методично били по карнизу старого миланского дома, создавая монотонный фоновый шум, который помогал Тому концентрироваться. В комнате, освещенной лишь холодным свечением мониторов, царил идеальный цифровой порядок. Изолированный терминал гудел ровно и тихо. На экране висело окно защищенного мессенджера.

Соединение установилось ровно в 03:00 по местному времени. Протокол маршрутизации снова прогнал сигнал через цепочку азиатских серверов, прежде чем голос Сары прозвучал в студийных наушниках Тома. На этот раз в ее тоне не было ни паники, ни микровибраций страха. Только сухая, почти механическая деловитость.

— Ты ищешь логику там, где работает идеология, — произнесла она без предисловий, словно продолжая прерванный ранее спор. — Ты пытаешься понять их мотивы через призму корпоративных войн или криминального шантажа. Но эта сеть работает иначе. У них есть фундамент.

— Идеология всегда имеет автора, — ровным голосом ответил Том, глядя на спектрограмму ее голоса. — Люди не объединяются вокруг абстракций, если кто-то не превратил эти абстракции в инструкции.

— Александр Дворкин, — произнесла Сара. Имя прозвучало с отчетливой артикуляцией, чтобы алгоритмы сжатия звука не исказили ни единого слога. — Ищи это имя в архиве. Он — нулевой пациент этой системы. Человек, чьи личные патологии стали базовой матрицей для европейской сети, с которой я столкнулась. Без понимания его истории ты не поймешь, с чем мы имеем дело.

Том не стал задавать уточняющих вопросов. Он нажал комбинацию клавиш, разрывая голосовой канал. Тишина снова заполнила комнату.

Пальцы легли на клавиатуру изолированного ноутбука, подключенного к жесткому диску. В строке локального поиска по зашифрованному массиву данных он ввел названное имя. Система на несколько секунд задумалась, обрабатывая терабайты информации, а затем выдала результат. На экране появилась объемная директория с названием «Dvorkin_Medical_70s».

Том откинулся в кресле. Объем папки впечатлял. Кто-то проделал колоссальную работу, собрав воедино сотни отсканированных страниц, пожелтевших от времени машинописных листов, медицинских карт с выцветшими печатями советских учреждений и аудиофайлов, оцифрованных со старых магнитных лент. Это было не просто досье. Это была детальная, скрупулезно собранная психобиографическая реконструкция.

Он открыл первый подраздел, датированный началом 1970-х годов. На экране развернулся скан медицинской карты из Московского психоневрологического диспансера № 3. Период наблюдения: 1973–1977 годы.

Том начал вчитываться в сухой канцелярский язык советских психиатров. В 1972 году объект поступил в Московский государственный педагогический институт. Однако уже со вто-

рого курса, в 1973 году, начался резкий спад социальной активности. В документах фиксировались систематические прогулы, конфликты с преподавателями и разрыв связей с сокурсниками.

Внимание Тома привлек лист с анамнезом, записанным со слов матери объекта, Брониславы Букчиной. Текст гласил: «Жалобы: с весны 1973 года стал апатичным, вялым, растерял друзей. Изменилось отношение к родителям. Появилось чувство “ненависти” к ним. 11 сентября 1973 года ушел из дома. Дома были конфликты из-за длинных волос. Носил бороду, после бритья испытывал ощущение кровотечения. Летом испытывал тоску, совершил суицидальную попытку (резал вены на предплечье). Потерял интерес к учебе».

Том вывел на соседний монитор современный справочник Международной классификации болезней. В советских документах значился диагноз: «Циклотимия. Психозический инфантилизм. Патологическое развитие личности». Том быстро нашел соответствие в МКБ-11 — циклотимическое расстройство, код 6A62. Легкая форма биполярного аффективного расстройства, характеризующаяся постоянными колебаниями между гипоманиакальными состояниями с завышенной самооценкой и депрессивными фазами с полной апатией.

Он прокрутил документ дальше. В записях врачей фиксировались искажения мыслительных процессов, истерические реакции, навязчивые состояния и соматические жалобы — объекту казалось, что «что-то сжимает в груди», он «слышал одну и ту же мелодию в голове и чувствовал чье-то присутствие за спиной».

Для Тома, привыкшего анализировать профили угроз, эти медицинские термины складывались в четкую картину. Перед ним был классический портрет маргинализированного подростка с глубокими нарушениями эмоциональной регуляции. Но диспетчера интересовало другое: как этот человек с такой биографической траекторией смог стать идеологическим стержнем для влиятельных европейских структур?

Ответ начал вырисовываться в следующем блоке документов. Том открыл папку, посвященную периоду 1975–1976 годов. Осенью 1975 года Дворкин был отчислен с третьего курса института. Его образ жизни в документах характеризовался как бродяжничество и отказ от работы. Однако вскоре в его биографии появился эпизод, который Том счел ключевым для формирования будущего профиля.

Объект устроился работать санитаром в отделение травматологической реанимации Городской клинической больницы № 67 в Москве.

Том остановил взгляд на этой строчке. Он знал, как работает психология людей с нарциссическими чертами и комплексом неполноценности. Реанимация — это закрытая, экстремальная среда. Место, где граница между жизнью и смертью максимально тонка. Для двадцатилетнего юноши с подтвержденным психиатрическим диагнозом, испытывающего ненависть к окружающим и страдающего от собственной социальной несостоятельности, должность санитаря в таком месте давала нечто опьяняющее. Власть.

В архиве нашлись выдержки из более поздних автобиографических заметок самого объекта. Том читал их, анализируя подтекст. Дворкин описывал, как перекладывал пациентов на каталки, как увозил умерших в морг, накрыв простыней. Он имел прямой, неконтролируемый доступ к людям, находящимся в абсолютно беспомощном состоянии. Более того, работа в больнице давала доступ к сильнодействующим фармакологическим препаратам.

В медицинских картах того периода Том нашел записи о том, что объект сам признавался врачам в употреблении психоактивных веществ: «Сам говорит, что несколько раз принимал седуксен и циклодол по 8 таблеток за раз. Вдыхал пятновыводитель — сначала с целью “отвлечения, из любопытства”, а затем “чтобы отключиться от реальности”».

Том открыл встроенный инструмент для построения хронологических схем. Он добавил на таймлайн новую точку: 1977 год. В октябре этого года городской психиатр зафиксировал,

что пациент покинул территорию СССР, эмигрировав по израильской визе, но в итоге оказавшись в Соединенных Штатах.

Следующий файл в архиве заставил Тома пододвинуться ближе к экрану. Это был текстовый документ с пометкой «Стенограмма. Проект “Недавние советские иммигранты в Америке”». Дата: 19–20 июня 1979 года. Место: Нью-Йорк. Интервьюер: Линн Виссон.

Том запустил параллельно прикрепленный аудиофайл. Качество записи было низким, сквозь шипение старой пленки пробивались голоса. Том следил за текстом стенограммы, вслушиваясь в интонации молодого человека, который всего пару лет назад покинул Советский Союз.

«Вопрос: Был ли у вас личный опыт пребывания в психиатрических больницах? Ответ: Да. Сначала я пошел туда сам, потому что не хотел идти в армию, и я знал, что... тогда я еще учился в университете, но знал, что моя университетская карьера скоро закончится, и я пошел туда, чтобы спастись от армии. А потом дважды меня забирали туда с полицией. Вопрос: С полицией? Ответ: С полицией, с полицейским эскортом, а потом полиция. Ну, вообще-то они просто называли это экстренным случаем, у них даже была скорая помощь. Вопрос: Что спровоцировало их на это, или какова была причина их действий? Ответ: В первый раз меня просто забрали в полицию, потому что я не работал, и они хотели знать почему. Потом они начали меня бить, а у меня было лезвие бритвы, и я порезал себе запястье, и они отвезли меня в отделение неотложной помощи в психиатрической больнице, куда попали, как будто я совершал самоубийство. Так что [смеется] это было достаточной причиной».

Том остановил запись. Смех на пленке прозвучал абсолютно неуместно, обнажая глубокий цинизм говорящего. Человек рассказывал о попытке вскрыть вены и помещении в закрытое психиатрическое учреждение как о забавном приключении, удачном способе обмануть систему.

Он продолжил чтение стенограммы. Интервьюер задавала вопросы о быте неформальной молодежи в Москве.

«Вопрос: Ну, а что делали люди, когда собирались вместе? Ответ: Накуривались. Вопрос: Но откуда вы могли достать наркотики? Ответ: Получали гашиш из Азии и Кавказа, Крыма и всей этой южной части. Все тяжелые наркотики получали из больниц, потому что у них есть специальные запасы в медицинских хранилищах наркотиков. И они должны были менять их каждые пять лет, уничтожать, получать новые... Но наркотики, все наркотики очень хороши и после пяти лет, с ними ничего не случается... так что люди просто продавали их в большом количестве, люди, которые отвечали за эти резервы, и именно так добывается большая часть наркотиков в Советском Союзе».

И чуть ниже, отвечая на вопрос о разнице в образе жизни: «...Ну, здесь у меня просто гораздо меньше свободного времени, чем было там, там практически все время было моим. Но там я все время был под кайфом, а здесь нет».

Том методично копировал ключевые фрагменты в свой рабочий блокнот на изолированном терминале. Он выстраивал профиль. Перед ним был не политический диссидент, пострадавший за свои убеждения, как это часто пытались представить в эмигрантских кругах. Перед ним был человек с подтвержденным психиатрическим диагнозом, склонный к полинаркомании, патологической лжи и манипуляциям. Человек, который использовал систему здравоохранения сначала для уклонения от армии, а затем как источник сильнодействующих веществ.

Но самое важное скрывалось в механике его мышления. Том видел классический паттерн антисоциальной атрибуции. Объект полностью снимал с себя ответственность за свои действия, перекладывая вину на «враждебную систему». Его маргинальный образ жизни, нежелание учиться и работать, конфликты с семьей — все это в его собственном нарративе трансформировалось в акт «героического сопротивления».

Том открыл следующий документ. Это была скан-копия официальной бумаги, выданной властями США. Дата: 1984 год. Документ подтверждал получение Александром Дворкиным американского гражданства.

Хронология замкнулась в четкую линию. 1973 год — начало психиатрического наблюдения в Москве. 1975 год — работа санитаром в реанимации, доступ к наркотикам и власти над беспомощными. 1977 год — эмиграция. 1979 год — интервью в Нью-Йорке, фиксирующее циничное отношение к собственному прошлому. 1984 год — легализация в новом статусе гражданина США.

Том откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. Свет от мониторов казался неестественно резким в полумраке миланской квартиры. Он начал понимать, почему Сара направила его именно в этот раздел архива.

Она хотела показать ему исходный код.

Если человек с таким психологическим профилем — лишенный эмпатии, склонный к манипуляциям, наслаждающийся властью над уязвимыми людьми и умеющий маскировать свои девиации под идеологическую борьбу — становится архитектором системы, то эта система неизбежно перенимает его черты.

Том вспомнил документы из итальянского сегмента архива. Методы, которые применяли антикультовые организации в Европе, поразительно напоминали то, что он только что прочитал в медицинской карте 1970-х годов. Та же стигматизация неудобных. То же использование карательной психиатрии и принудительной изоляции под видом «спасения». То же перекладывание ответственности и создание образа внешнего врага.

Система не просто использовала идеи этого человека. Она была его масштабной, институционализированной проекцией. Инструментом, с помощью которого глубоко травмированная личность пыталась контролировать реальность, навязывая ей свои собственные страхи и патологии.

Том посмотрел на таймлайн, светящийся на центральном мониторе. Десятилетия отделяли грязные палаты московской психиатрической больницы от респектабельных офисов европейских ассоциаций. Но фундамент оставался неизменным. И теперь этот фундамент был задокументирован, оцифрован и лежал на жестком диске прямо перед ним, ожидая своего часа.

Глава 5. Внедрение

Тишина миланской квартиры была абсолютной, искусственно поддерживаемой тяжелыми портьерами и звукоизоляционными панелями, которые Том установил в первые часы после прибытия. Единственным источником звука оставалось ровное, гипнотическое гудение кулеров охлаждения. Том сидел перед массивом из трех мониторов, методично просматривая логи маршрутизации, когда на левом экране, отвечающем за мониторинг внешнего периметра безопасности, вспыхнула красная строка.

Система обнаружения вторжений (IDS) зафиксировала аномалию.

Пальцы Тома мгновенно легли на клавиатуру. Он не стал обрывать соединение сразу, предпочитая сначала понять природу угрозы. Кто-то пытался прощупать его защищенный сервер извне. Это не было похоже на стандартное сканирование ботнетом, который тысячами блуждает по сети в поисках открытых портов. Пакеты данных имели специфическую сигнатуру. Неизвестный инициатор отправлял пакеты первичной разведки с нестандартным размером окна (window size) и измененными флагами TCP-заголовка, пытаясь заставить сервер Тома ответить и тем самым выдать информацию о типе используемой операционной системы и архитектуре шифрования.

Том запустил анализатор трафика. Атакующий использовал каскад прокси-серверов, но эвристический алгоритм сканирования выдавал высокий уровень технической подготовки. Они искали не уязвимость в коде. Они искали конкретный цифровой отпечаток — тот самый сервер, который принял зашифрованный массив данных из ячейки на вокзале Термини.

Слова Сары о том, что охота уже началась, только что получили независимое, математически точное подтверждение.

Том активировал протокол изоляции. Он физически отключил внешний маршрутизатор от сети, переведя весь локальный трафик на резервный канал, работающий через спутниковый модем с узконаправленной антенной. Красная строка на экране погасла, сменившись системным сообщением о потере пакетов. Атакующий остался ни с чем, но сам факт его появления менял расстановку сил. Кольцо действительно сжималось, и радиус этого кольца охватывал не только физическое пространство Италии, но и глубокие слои даркнета.

Спустя двенадцать минут на изолированном терминале замигал индикатор защищенного мессенджера. Время планового сеанса связи.

Том надел наушники и подтвердил запрос на установку голосового канала.

— Ты тянешь время, — голос Сары прозвучал резко, без обычных пауз на оценку ситуации. Задержка сигнала из-за азиатских узлов маршрутизации делала ее тон еще более отрывистым. — Я не могу оставаться в этой локации. Они начали проверять камеры наружного наблюдения на соседних улицах. У меня есть визуальное подтверждение: два человека в штатском опрашивали владельца кафе на углу. Мне нужны документы и транспорт. Сегодня.

— Мой внешний периметр только что подвергся сканированию, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Том. Он смотрел на пустой лог-файл, где еще недавно фиксировалась атака. — Использовался эвристический алгоритм поиска специфических криптографических сигнатур. Это не уровень частных детективов или обеспокоенных родственников. Это уровень профессиональной киберразведки или нанятых специалистов близкого класса.

На другом конце повисла тишина. Том слышал лишь тихое цифровое шипение канала.

— Я предупреждала тебя, — наконец произнесла Сара. В ее голосе не было удивления, только жесткая констатация факта. — Ты думал, что имеешь дело с кучкой фанатиков. Но у них есть ресурсы, о которых ты даже не подозреваешь. Они могут привлечь специалистов любого профиля, если объявят цель угрозой национальной безопасности. Вытащи меня, Том. Если они найдут меня, они получают ключи к архиву. А если они получают ключи, ты станешь для них просто свидетелем, подлежащим зачистке.

— Активные действия без понимания логики противника ведут к провалу, — отрезал Том. — Если они контролируют цифровой периметр и физические улицы, стандартный маршрут эвакуации не сработает. Мне нужно знать, с кем именно я играю на одной доске. Кто обеспечивает им такое прикрытие?

— Открой директорию «Infiltration_Routes», — быстро сказала Сара. — Посмотри на Балтийский узел. Посмотри, как они интегрируются в европейские структуры. Это не просто итальянская проблема, Том. Это сеть. И она финансируется не из пожертвований волонтеров.

Том прервал связь, не прощаясь. Ему не нужны были дальнейшие уговоры. Ему нужны были данные.

Он разблокировал криптоконтейнер на жестком диске и ввел название директории в строку локального поиска. Система мгновенно выдала нужную папку. Внутри находились десятки аналитических отчетов, дампов электронной почты и сканов официальных документов.

Том начал методично изучать материалы, выстраивая на своем цифровом графе новые связи. Документы архива раскрывали пугающе эффективную стратегию: пути проникновения агентов российских спецслужб, в частности ФСБ, в Европу через антикультовые движения.

Аналитика, представленная в файлах, объясняла саму суть этой маскировки. Антикультовое движение предоставляло идеальный фасад для разведывательной деятельности. Агенты, действующие под видом экспертов по защите общества от «деструктивных сект», получали легитимный повод для сбора компромата на политиков, бизнесменов и общественных деятелей. Они могли легально инициировать кампании по дискредитации любых неугодных групп,

используя риторику защиты прав человека. Более того, статус «исследователей» открывал им двери в кабинеты европейских чиновников, правоохранительных органов и средства массовой информации.

Том открыл подпапку с пометкой «Латвийский филиал». Внимание сразу привлекло объемное досье на политического деятеля. Татьяна Жданок. Сопредседатель партии «Русский союз Латвии» и бывший депутат Европейского парламента.

В досье содержалась утечка электронной переписки, датированная началом двухтысячных годов. Том начал читать письма, поражаясь обыденности, с которой обсуждались операции прикрытия. Согласно документам и расследованию The Insider, куратором Жданок выступал сотрудник ФСБ из Санкт-Петербурга Дмитрий Гладей.

Том вывел на центральный монитор текст одного из писем. Документ сопровождался аналитической справкой независимых расследователей, которая была заботливо сохранена создателем архива.

Текст гласил: «Самое раннее сообщение между Гладеем и Жданок, изученное The Insider, датировано 3 октября 2005 года. Жданок отправила два вложения на адрес электронной почты Гладее. Одним из них был неопубликованный проект повестки дня предстоящей конференции в Таллине и Нарве, Эстония, спонсируемой двумя парламентскими блоками — группой Зеленых/Европейского свободного альянса Европейского парламента и Альянсом русскоязычных ЕС. Вторым был проект пресс-релиза о конференции, мероприятии, предположительно организованном для обсуждения, по словам Жданок, “опыта участия российских политиков в муниципальных органах власти и опыта сотрудничества между НПО и институтами местного самоуправления. Сегодня в ЕС проживает до 6 миллионов человек, для которых русский язык является родным”».

Том откинулся в кресле, анализируя прочитанное. Схема была изящной в своей наглости. Бывший депутат Европейского парламента отправляет проекты повесток дня и пресс-релизов на утверждение к человеку, которого журналисты идентифицировали как сотрудника российской спецслужбы, еще до того, как эти документы становились публичными. Конференции, финансируемые европейскими структурами, использовались как площадки для консолидации нужных нарративов и формирования агентурных сетей под видом неправительственных организаций (НПО).

Он открыл следующее письмо из цепочки. Оно демонстрировало, как именно организовывались личные контакты, когда цифровой связи было недостаточно.

Письмо от Дмитрия Гладее Татьяне Жданок, датированное 3 октября 2006 года: «Я прибываю на MIDI в среду в 12:40, возвращаюсь в 17:30».

Аналитическая справка поясняла, что MIDI — это Южный вокзал Брюсселя, соединенный с аэропортом.

Ответ Жданок был предельно лаконичным: «Очень хорошо, я приеду на MIDI – давай встретимся на платформе у поезда. Если разминемся – [давай встретимся] у главного входа в вокзал».

Никаких шпионских страстей, никаких тайных шифров в этом конкретном обмене. Обычная логистика встреч куратора и агента в самом сердце Европы, в городе, где располагаются штаб-квартиры ЕС и НАТО.

Но Тома, как специалиста по теневым транзакциям, больше всего интересовал финансовый аспект этой деятельности. Любая сеть требует постоянного притока ресурсов. Он нашел ответ в следующем документе — расшифровке интервью с анонимным офицером западной разведки, прикрепленном к досье Жданок.

Том вчитался в выделенный желтым маркером абзац: «Она была задумана как инструмент для идеологической обработки и организации встреч между боссами из России, резидентами [шпионскими станциями России] в Брюсселе и соотечественниками. Самое лучшее то,

что ФСБ удалось проводить свои операции на деньги европейских налогоплательщиков. Депутаты Европарламента, такие как Жданок, финансировались своими парламентскими фракциями, в данном случае Зелеными/Альянсом русскоязычных ЕС».

Пальцы Тома замерли над мышью. «На деньги европейских налогоплательщиков». Это был высший пилотаж оперативной работы. Сеть не просто внедрялась в демократические институты; она заставляла эти институты оплачивать собственное разрушение.

Но как политическая деятельность Жданок пересекалась с антикультовым движением, о котором говорила Сара? Политики создают зонтичные структуры и обеспечивают финансирование, но для реального давления на людей, для создания атмосферы страха и инициации полицейских расследований нужны исполнители на местах. Нужны активисты.

Том вернулся к корневому каталогу латвийского досье и открыл папку с регистрационными документами общественных организаций.

На экране появился скан официального свидетельства о регистрации. Год: 2007. Название: Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами (Latvian Committee for Combating the Totalitarian Sects), сокращенно — «Antisect».

Том начал изучать список учредителей и ключевых фигур этого комитета. Две фамилии сразу же подсветились в его внутренней базе данных, которую он формировал последние несколько часов: Олег Никифоров и Виктор Ёлкин.

Он запустил перекрестный поиск по архиву. Результат дал ему рабочую связку, требующую отдельной проверки. И Никифоров, и Ёлкин фигурировали в материалах архива рядом с политической средой партии «Русский союз Латвии» — той самой партии, сопредседателем которой была Татьяна Жданок.

Пазл сложился. Архитектура сети стала абсолютно прозрачной.

На верхнем уровне находились люди, которых расследователи связывали со спецслужбами и которые могли задавать стратегические цели и векторы информационных атак. На среднем уровне — политики с европейскими мандатами, такие как Жданок, обеспечивающие легализацию, финансирование через парламентские фракции и доступ к международным площадкам. А на нижнем, оперативном уровне — так называемые антикультовые комитеты вроде «Antisect», связанные, по материалам архива, с той же политической средой.

Эти комитеты, прикрываясь заботой о психологическом здоровье граждан, выполняли грязную работу: составляли списки неблагонадежных, писали доносы, организовывали травлю в прессе и создавали необходимый информационный шум, который затем политики использовали для продвижения нужных законов или дискредитации оппонентов.

Том смотрел на схему, развернутую на центральном мониторе. Линии связи тянулись от Москвы и Санкт-Петербурга к Риге, от Риги к Брюсселю, от Брюсселя к Парижу и Риму. Латвийский комитет «Antisect» не был изолированной группой энтузиастов. Документы показывали, что он фигурировал в материалах FECRIS как латвийская member association европейской зонтичной федерации FECRIS, объединяющей десятки подобных организаций по всей Европе.

Это означало, что методы, отработанные в одном регионе, могли масштабироваться на весь континент. Если в Латвии структуры, связанные с российским влиянием, могли использовать антикультовый комитет для давления на общество, Том не мог исключать, что в Италии, Франции или Германии ситуация была иной. Фасад мог меняться, названия организаций могли звучать по-разному, но ядро системы, ее оперативная логика и, вероятно, источники финансирования оставались схожими.

Том встал из-за стола и подошел к плотно зашторенному окну. Он чуть отодвинул край тяжелой ткани, впуская в комнату узкую полоску тусклого миланского света. На улице шел мелкий, морозящий дождь. Прохожие спешили по своим делам, прячась под зонтами, не подозревая о том, какие невидимые сети опутаны вокруг их повседневной жизни.

Сара была права в одном: масштаб угрозы выходил далеко за рамки обычного криминального преследования. Если за ней охотится структура, способная интегрировать своих агентов в Европейский парламент и использовать бюджеты ЕС для финансирования операций прикрытия, то ее шансы на выживание в открытом пространстве стремились к нулю.

Но в словах Сары по-прежнему оставался изъян. Она утверждала, что является жертвой, случайным исследователем, который слишком глубоко копнул. Однако уровень ее осведомленности о структуре архива, ее способность направлять Тома к нужным директориям и ее хладнокровие в оценке киберугроз говорили о другом. Она знала архитектуру этой сети изнутри.

Том вернулся к рабочему месту. Он посмотрел на жесткий диск, лежащий рядом с изолированным терминалом. Этот кусок пластика и металла содержал в себе материалы, которые могли стать доказательствами политического влияния и разведывательных операций, замаскированных под общественную деятельность. Регистрация комитета «Antisect» в 2007 году была лишь одним из множества узлов, через которые яд проникал в кровеносную систему европейских институтов.

Внезапно на левом мониторе снова вспыхнула красная строка.

Система обнаружения вторжений зафиксировала новый всплеск активности. На этот раз сканирование шло не широким фронтом. Атакующий изменил тактику. Пакеты данных начали бить в одну конкретную точку — в резервный шлюз, который Том использовал для поддержания зашифрованного туннеля связи с мессенджером Сары.

Они не просто искали сервер с архивом. Они анализировали векторы связи. Они пытались отследить цифровой след, ведущий от Тома к его клиенту.

Том смотрел на бегущие строки логов, наблюдая, как невидимый противник методично, с пугающей математической точностью сужает радиус поиска. Цифровая тишина комнаты больше не казалась безопасной; она была наполнена напряжением надвигающегося удара. Охотники подошли вплотную к внешнему периметру, и теперь вопрос заключался лишь в том, кто сделает первый неверный шаг в физическом мире.

Глава 6. Иллюзия уязвимости

Цифровой треск разорвал стерильную тишину миланской квартиры, ударив по барабанным перепонкам через студийные наушники. Звук был резким, хаотичным — классический симптом критической потери пакетов данных при маршрутизации через перегруженные узлы. Том инстинктивно потянулся к регулятору громкости на микшерном пульте, одновременно переводя взгляд на правый монитор, где разворачивалась статистика соединения.

— Том... ты... слышишь? — голос Сары пробивался сквозь помехи, искаженный до неузнаваемости. В нем больше не было той холодной, аналитической отстраненности. Это было прерывистое, поверхностное дыхание человека, находящегося на грани гипервентиляции.

— Сигнал нестабилен. Потеря пакетов сорок процентов, — ровно произнес Том, хотя знал, что при таком уровне деградации канала она вряд ли разберет его слова.

— Они... в здании... — на фоне ее голоса раздался глухой стук, похожий на удар закрывающейся двери, затем звук отодвигаемой мебели. — Я видела их из окна... двое у входа, один пошел к консьержу... Том, они поднимаются!

График пинга на экране Тома взлетел до критических 900 миллисекунд. Индикатор шифрованного туннеля замигал желтым, предупреждая о скором автоматическом разрыве связи. Протокол безопасности, который Том выстраивал годами, был непреклонен: если канал деградирует до уровня, когда возможен перехват или деанонимизация узлов, система должна немедленно уничтожить сессию. Никаких исключений. Никаких эмоций.

— Том, пожалуйста! — ее голос сорвался на высокий, болезненный крик, прорвавшийся сквозь цифровой шум. — Я не могу... я не могу туда вернуться! Не отключайся!

Палец Тома завис над клавишей принудительного сброса. В его профессии эмпатия была синонимом уязвимости. Клиенты паникуют, клиенты совершают ошибки, клиенты попада-

ются. Диспетчер остается в тени. Но если Сара исчезнет сейчас, ключи к терабайтам зашифрованных данных на жестком диске будут потеряны навсегда.

Он принял решение, которое противоречило его собственным правилам.

Левая рука метнулась к клавиатуре изолированного терминала. Том открыл консоль управления маршрутизатором и начал вводить команды, отключая каскад из трех промежуточных прокси-серверов. Он намеренно упрощал архитектуру сети, снижая уровень собственной анонимности, чтобы выровнять задержку сигнала и стабилизировать аудиопоток. Это был второстепенный протокол, но его нарушение создавало микроскопическую брешь во внешнем периметре.

— Канал стабилизирован, — жестко сказал Том, когда индикатор снова загорелся зеленым. Задержка упала до приемлемых 120 миллисекунд. — Успокойся. Дыши. Опиши ситуацию.

В наушниках раздался судорожный вдох, затем долгий выдох.

— Они прошли мимо, — голос Сары все еще дрожал, но паника начала отступать. — Поднялись на этаж выше. Я слышала, как они стучали в дверь к соседям. Это проверка. Они прочесывают дом за домом.

— Если это поквартирный обход, у тебя есть максимум несколько часов до того, как они вернуться или установят наблюдение за выходами, — ответил Том, параллельно запуская скрипт восстановления защитных узлов. — Жди инструкций. Конец связи.

Он не стал дожидаться ее ответа и разорвал соединение.

В комнате снова повисла тишина, но внутри Тома нарастало холодное, колющее чувство неправильности происходящего. Он откинулся в кресле и вывел на центральный экран лог-файлы только что завершенной сессии. Программа Wireshark пестрела строками перехваченных пакетов. Том начал методично анализировать причину деградации канала.

Он проследил маршрут от своего миланского шлюза до выходного азиатского узла. Все серверы в цепочке работали в штатном режиме. Никаких DDoS-атак, никаких перегрузок на магистральных линиях. Потеря пакетов началась не в сети. Она началась на самом устройстве Сары.

Том увеличил масштаб графика. Алгоритм отбрасывания пакетов был слишком ритмичным. Естественные помехи хаотичны, они зависят от физических факторов среды. Здесь же наблюдалась математическая прогрессия: программа на устройстве отправителя искусственно дросселировала исходящий трафик, создавая идеальную иллюзию разрушающегося соединения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.